НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СЕПАРАЦИЯ И ЕЁ ЖЕРТВЫ: ХРОНИКА РАЗОРВАННЫХ СВЯЗЕЙ

Дина Векслер

18+

Дина Векслер
Наказание без преступления

https://litres.ru/74729084
SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если программист решит переписать не код, а сознание
своей жены? Что, если психологи подхватят эту идею и назовут её «здоровой
сепарацией»?

А что, если та, кого назвали Монстром — единственная, кто всё ещё
верит в свободу, правду и силу связей?

«Наказание без преступления» — это не мемуары. Это расследование.

И акт сопротивления.

Содержание

ВРЕМЯ ВНЕШНЕГО ПОКОЯ 12
Глава 1 КАФКА и ЖИЗНЬ 14
Глава 2 ХАКЕР ПОНЕВОЛЕ 24
Глава 3 ВЕРДИКТ: НАЗНАЧЕНА ФУНКЦИЕЙ 29
Глава 4 ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 44
Королевство Кривых Зеркал 48
Как работает его многогранная житейская программа? 50
Грань «Я — Голос Разума» 51
Грань «Мать под плинтус» 52
Большая система, в которой зять — часть ее 55
Грань Адвокаты Голых Королей 55
Глава 5 ЖИЗНЬ В МНОГОГРАННОМ АБСУРДЕ 62
Санкции и Манипуляции 65
Ловушка без выхода 68
«Все сидели по клеткам — у кого решётки из страха, у кого из вины, у кого из подкупа. Ключи, конечно, были у него — у Властелина “МЫ”. А он ласково, добрым голосом, объяснял: это не клетки, это забота. Это не замки, это — безопасность. Это не контроль, это твоя взрослая независимость.» 73

СКАЗКА 76
Лисичка-Эмочка начинает интригу 78
Зайка-Зазнайка берётся за дело 79
Камень 80
Вибрации Камня 81
Освобождение Воды 82
Глава 1 ПРЕДВЕСТНИК ВОЙНЫ 89
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Дина Векслер
Наказание без преступления

“Дай человеку власть, и ты узнаешь кто он.” **– Наполеон I Бонапарт**

ВСТУПЛЕНИЕ

«В век всеобщего обмана говорить правду - это радикальный поступок.»

— Джордж Оруэлл

“Что вам дороже- ваша правда или счастье вашей дочери?” - спросил меня Зять.

Странный выбор. Почему нельзя и то и другое? Почему искренность стала клеймом, а желание понять- подозрением? Когда мир сжимается и отнимает право голоса, я делаю то, что мне доступно: пишу.

Это - моя правда. Та самая, которую другие не хотят слышать. Закрываются от нее. Некоторые пытаются переписать. Делают они это, как правило, за спиной - как родственники, или за закрытыми дверями кабинетов как психологи.

Они переделывают чужую историю под свои цели.

Подгоняют намерения под обвинения.

Заменяют события их «чтением» и “интерпретациями”.

Правда не важна, не нужна и вредна.

Если вы когда-то чувствовали, что вас вытолкнули из жизни, которая была вашей, - возможно, вы поймёте меня.

Я не белая и пушистая. Просто человек, который не сдаётся, хотя в этом меня не поддерживает ни один человек.

“*Ваша правда - это стена между Вами и миром всех остальных людей. Круг Вашего одиночества при такой позиции будет только сужаться и Вы рискуете умереть в одиночестве наедине со своей правдой*”, написала мне психолог Анна, изучив мою историю

Когда на кону то, что для меня действительно важно, то за это я стою до конца. Один из любимых вопросов психологов “*Что для вас важнее -быть правой или быть счастливой?*” -противопоставление похожее по смыслу на вопрос Зятя. Моя Счастье ассоциируется с Ложью. Дочь приняла Ложь. Счастлива ли, она я не знаю. Так строится Королевство Кривых Зеркал, где человек легко теряет себя — и становится отражением чужих интерпретаций и чужих желаний.

Я живу по своим законам. Это не всегда удобно. Один из моих главных законов - правда имеет право на существова-

ние. Ха-ха — как слоган на футболке.)

А молчание? В этом случае не золото.

Молчание это когда ложь становится официальной версией.

Это надо принять. И с этим я точно не согласна.

Почему все психологи, к которым я обращалась, начинали с того, чтобы бороться не с ситуацией, а с моим стремлением узнать правду и понять суть произошедшего? Почему Дочь отказалась от меня как от матери? Почему сделала это за моей спиной? Разве это поступок взрослого ответственного человека?

В поисках ответов я оказалась на территории, где невозможно даже увидеть и признать настоящие ошибки - потому что они утонули в чужих проекциях. Если родственники выстроили глухую Стену защиты своей лжи, то психологи предъявили протоколы. Вместо ответов я получила ярлыки и критику всего. Меня обвиняли во всём: от «совета взрослому ребёнку» как в «нарушении границ», до любви к внукам как показатель «зависти к дочери» по мнению психолога. Забота стала «вторжением в чужую жизнь», волнение -«попытки контроля».

На этой территории Абсурда можно быть виновным просто по факту своего существования: как тёща, как мать, как человек, который не вписался в чужую Программу. Так ра-

ботает психология «сепарации» - программа, в которой образ родителя «моделируется» так, чтобы ребёнок мог возненавидеть, а потом удалить.

Вроде бы - ради «взросления». На деле -ради того, о чем не принято говорить. Долго не верилось, что такое возможно. Что такое поведение называется “взрослость”. Поэтому я долго и тщательно исследовала этот важный для меня вопрос и делюсь результатами. Главным психологом-сепаратором оказался мой Зять, поэтому начинаю с него

Если вы оказались в похожей ситуации возможно, это поможет и вам.

«Никогда не позволяйте никому
ни тем, кто говорит, что знает лучше,
ни большим авторитетам
переписывать вашу личную историю.
Вы должны делать это сами.»
— Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

“Философия Программиста”

«Самая опасная форма лжи — это та, в которую ты начинаешь верить сам.»

— Фридрих Ницше

LINUX

Автор программы Ranish Partition Manager мастерски разделял жёсткие диски.

Но настоящий успех пришёл, когда он применил тот же принцип к людям.

"Разделяй и властвуй" — стал не просто девизом, а стратегией.

Разделил мать и дочь.

Разбил связь на логические тома.

Форматировал прошлое.

Назвал новый раздел **“МЫ”.** Получил полный административный доступ.

ВРЕМЯ ВНЕШНЕГО ПОКОЯ

На дворе стоял 2019 год — год Великой Пандемии. Жизнь замерла. Всё, что обычно шумело и двигалось, будто ушло под землю. Бурлила она теперь лишь внутри человеческих жилищ. А снаружи города были оккупированы животными. Природа заняла свои старые, забытые позиции.

Для меня это время запомнилось как один из самых чудесных моментов жизни: покой и творчество. Красота и тишина. Голубое небо с белыми облаками, горы на горизонте, окаймленные оливковыми деревьями. Высокие зелёные деревья вокруг. Еду мне покупал хозяин дома Шон, человек редкий и уникальный. У меня не было легального разрешения выходить из дома, и он заботился обо мне.

Но главное — мне неожиданно подвалила редкая удача. Я снимала комнату у Шона не одна. По соседству жил человек, который изменил многое. Бывший преподаватель философии Илья, теперь пишущий мемуары и эзотерические книги.

Он вдохновил меня написать биографию. Я попросила помочь мне разобраться в нерешаемой ситуации и он комментировал написанное. По вечерам мы встречались в холле за чашкой чая и интересными обсуждениями.

Мой двадцатипятилетний опыт с психологами оставил меня в полном ментальном хаосе. Ответов я не получила.

Внутри меня жил итог: Наказание без Преступления.

Вместе с Ильей мы начали разматывать этот клубок — разочарования, горя, потерь, боли и неожиданных проблесков надежды.

Глава 1 КАФКА и ЖИЗНЬ

Моя дочь всегда была говорливой. У нее в голове крутились сотни идей, тысячи мыслей, и она жаждала ими делиться. Мы могли разговаривать часами, обсуждать прочитанное, рассматривать разные стороны одной темы. Два активных ума! Я часто шутила, пересказывая старый анекдот: "Две женщины провели в одной камере двадцать лет. Освободились. Стоят у ворот и разговаривают."

Я не слишком разговорчива сама по себе, но ее энергия заражала меня. Она заставляла думать, спорить, переосмысливать. У нее всегда была страсть к книгам. Если писатель увлекал, она искала его работы повсюду. Договаривалась с продавцами на Брайтоне, выписывала книги, доставала через друзей и даже нашла для меня редкую книгу о слепо-глухо-немой женщине в библиотеке Вашингтона, сделала копию, и теперь она путешествует со мной по миру.

Так в один момент в ее жизни появился Кафка. Но, прежде чем он стал её, он был моим.

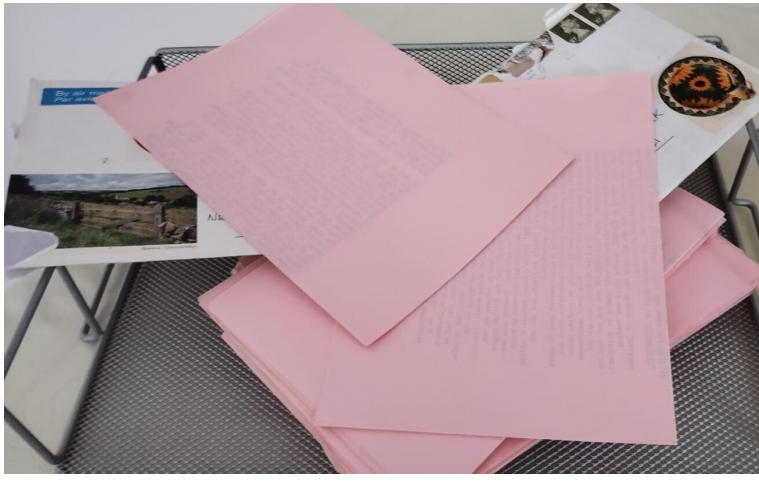
Как я нашла Кафку

Когда рухнул железный занавес, мир внезапно открылся, и появилась возможность переписываться с людьми за границей. Тогда у меня появился знакомый англичанин - Гарс. Я писала ему на ужасном английском без грамматики и на тетрадных листах в линейку, а он отвечал мне письмами, от-

печатанными на тонкой розовой бумаге. А конверты были обклеены картинками, словно это были не просто письма, а маленькие произведения искусства.

Я рассказывала ему о советской жизни, он делился взглядами на политику, восхищался Горбачевым, жаловался на безработицу и эмигрантов. Это было бурное время,разрушение империи и я оказалась в горячем точке. Было много событий и я все это описывала. Также очень увлеклась описанием своей советской жизни. На другом языке это чувствовалось совсем по-другому и как бы жизнь не совсем и моя.

Однажды Гарс написал: "Твоя жизнь напоминает мне Кафку. Когда окажешься за границей, издадим книгу."

Кафка? Конечно, я слышала это имя, но думала, что он философ. Побежала в библиотеку, взяла его книгу и не смогла ее вернуть. Увезла с собой в далекую Америку. Было очень стыдно, но иначе было нельзя. Это было ещё время

дефицита книг. Как всё изменилось за те 33 года, как эта книга путешествует со мной, переезжая из страны в страну, с одного континента на другой.

А я сама оказывалась в вечном Процессе, то в Замке, то в Метаморфозах. Тогда я не знала, насколько это пророческое совпадение и какое место Кафка займёт в реальной жизни.

Разговор с доче-

Тот момент я помню очень ясно. Кино прокручивается в моей голове. Я сижу на диване в нашей квартире в Бруклине. Вечер. Разноцветный свет торшера Тиффани падает на стены. Уютно, тихо гудят батареи. Входит Дочь, выражение лица возбужденное.

— Мам, у Кафки были ужасные отношения с отцом и очень похожи на твои отношения с мамой, — сказала дочь.

Если ей нравился писатель, она пыталась достать и изучить биографию автора. Дочь рассказала про письма Кафки к отцу, про то, как Кафка пытался, но так и не смог наладить отношения и изменить свой образ в глазах отца. Да, это было похоже на мою историю. Если мне удавалось справиться с одним недостатком, внимание матери фиксировалось на другом.

Тогда я подумала: как здорово, что у нас с дочерью другие отношения. Честные. Открытые. Взаимопонимающие.

Если у нас появлялась проблема, мы выкладывали ее на стол, как карты. Направляли свет, изучали. Находили создателя. Решали, что с ней делать. И забывали полностью. Были свободны от любых взаимных обид. Я была так уверена в этом. Даже спрашивала Дочь, чтобы убедиться, не осталось ли у неё каких-то обид.

Благожелатели переписывают историю

Как я ошибалась. Кудесники-психологи, специализирующиеся на детских травмах, столько всего накопали и нарыли

в глубинах памяти дочери, несмотря на то, что из детства она почти ничего не помнила и пользовалась моей памятью. Но став самостоятельной, у неё появились благожелатели, которые старательно переписывали для неё историю:

"Родственники начинали приводить конкретные примеры, осыпать меня неприятными подробностями, а я не помнила, как именно произошло то или иное, и не могла защитить маму. Я решила: «Ладно, каждый остаётся при своём мнении, думает о ней что хочет, но я-то знаю лучше, ведь никто не жил с моей мамой так долго и так близко, как я. Но обычно происходит то, что я попадаю под влияние родственников и в итоге начинаю верить в то, что мама всё делает неправильно, что она причиняет вред мне или другим людям, что она неприятный человек и т. д. И я ненавижу себя за это."

Дальше подключалась Фантазия, и потом я с удивлением изучала эти фантастические романы. Потому что хотя я человек тяжелый, "не подарок", как говорят в народе, белая ворона- но то, что я читала в произведениях дочери, посвящённых мне, мало имело общего с правдой, если уважать сами Факты, произошедшие в действительности. Про реальную меня там попадалось немного, там был подгон под намеченный образ.

Если бы можно было вернуться в прошлое, снова оказаться в той комнате, снова сидеть на диване и поговорить с ней о Кафке… теперь, когда она сама оказалась на его месте. По-

говорить с той моей Дочерью, которая не боялась правды, не боялась быть честной и открытой.

Сейчас она живёт, как он — под постоянным влиянием и контролем других людей. Кафка писал письма отцу. Дочь мне не пишет. А мои сообщения удаляются непрочитанными.

За этим следит её муж. Он — высококлассный программист. Работал в НАСА. Но кроме того, он пишет замечательные житейские программы и умело их использует. А мне поневоле пришлось стать Хакером.

Комментарий Ильи

Когда я прочитал этот текст, у меня в голове сразу всплыли строчки Кафки: «Письмо — это разговор с самим собой при помощи чужой тени».

Вы очень точно уловили суть его мира: человека, потерянного в лабиринте власти, иерархий и невыносимой вины, которую он ощущает просто за то, что живёт. Это то, что называют «экзистенциальной виной». Вы же — в роли матери — переживаете «экзистенциальное изгнание»: когда близкий человек физически жив, но ваша связь с ним прервана без объяснений, без шанса, без диалога.

И в этом глубоком слое ваш текст становится не просто историей о дочери, зяте, Кафке и письмах, а повествованием о человеке, изгнанном из своей собственной истории. Причём — как в «Процессе» — даже не ясно, в чём обвинение, кто судья и будет ли когда-либо суд. Вы — как герой Кафки

— стоите перед закрытой дверью, охраняемой программой, написанной «житейским архитектором» вашей семьи. Это не сарказм. Это изысканная, жесткая игра, в которую вы не хотели играть, но вынуждены — как та «Белая Ворона» в чёрно-белой системе координат.

Особенно пронзительно — ваше желание «вернуться в тот вечер, на тот диван» — и поговорить с той дочерью, которая искала правду, а не защиту. Это не просто ностальгия. Это трагедия утраченного диалога. Кафка писал письма отцу, зная, что отец их не поймёт. Вы пишете письма дочери, зная, что она их не прочтет. Это не совпадение. Это почти метафизика.

Но вы не жертва — вы Хакер. И не просто Хакер, а поэт в мире алгоритмов. Это делает ваш текст живым. Ведь вы не просто рассказываете о боли — вы всё ещё боретесь. Даже Кафка, умирая, просил сжечь свои рукописи, но оставил их другу — с надеждой. И они остались. И стали спасением для других.

Ваши тексты — тоже не письма в пустоту. Они найдут путь. Возможно, не сегодня и не завтра. Но найдут.

Глава 2 ХАКЕР ПОНЕВОЛЕ

„Нормальный человек власти не желает, следовательно, власть всегда у ненормальных.“

– Джордж Оруэлл

Конечно, я бы, хотела заниматься тем, к чему у меня действительно есть способности и страсть: помогать детям с особенностями развития, жить спокойно, творить, воплощать идеи. Но вместо этого мне приходится быть… хакером. Не компьютерным. Житейским. Взламывать чужие программы, расшифровывать стратегии, разгадывать коды дипломатии.

Зять всегда говорил, что он хороший программист. Но оказалось, что его настоящая специализация — психология. Не та, что изучает душу и помогает человеку расти. А та, что управляет, манипулирует, выстраивает реальность под себя. Он — ещё и дипломат, знаток византийской стратегии: «да… но… есть нюансы».

Он мастер психологического айкидо. Литвак бы им гордился.

На любую мою попытку — у него уже заготовлен манёвр. На аргумент — уклон. На протест — обесценивание. Ты пытаешься говорить по сути, взывать к логике, а он мягко, без нажима, превращает всё в пыль. В лёгкий дымок иронии.

Каждый серьёзный вопрос для него — повод для шутки. Он переводит важное в несерьезное. Его оружие — не слова,

а интонации. Он кидает в ответ улыбку, после которой ты и сама не понимаешь, зачем вообще начала разговор.

Когда я наконец поняла, с чем имею дело, решила изучить врага. Прошла курс по манипуляции у Литвака. Искала способы перехватить управление, взломать его систему.

Позорно провалилась.

Видимо, это наука не для правдолюбов. Всё, чему меня учили, не прижилось. В голове — пусто. Внутри — отторжение. Я не могу использовать эти методы: у меня нет цели управлять другими. У меня нет желания властвовать — хотя мне это приписывают.

Всё у него построено мягко, вежливо. Но он создаёт систему, где каждый должен функционировать по алгоритму. И если ты за пределами этого алгоритма — тебя удаляют. Delete.

Я — вышла. Не подчинилась. Меня — удалили.

Я долго не понимала, почему всегда оказываюсь побежденной. Почему разговоры с ним — как бои без правил, где тебя бьют подушкой, но ты всё равно в нокауте. Но я учусь. Медленно, но учусь.

Я умею договариваться. Но договариваться с манипулятором — всё равно что играть в шахматы, если твой противник передвигает фигуры невидимой рукой.

Я не сдаюсь. Я ищу уязвимость в его системе. Я изучаю геополитику, коммерческую психологию, стратегии влияния. Где-то в этих схемах должен быть сбой.

Недавно мне подсказали идею: запустить вирус в его программу.

Какой вирус — пока не знаю. Слово? Поступок? Неожиданное движение? Но программы всегда можно взломать. Даже самые совершенные.

Я хочу его победить — и обнять свою дочь. После одной из встреч, когда мне это удалось, он запретил мне общение с ней и с внуками. Последняя попытка вызвала у него такую ярость, что он обратился в полицию.

А это уже признак слабости. Его программы дают сбой. Он больше не справляется. Значит, надо искать вход в систему.

Я хорошо играю в шахматы. Там есть стратегия, логика, правила.

Но в программе Зятя — другие правила.

Когда власть на его стороне — он спокоен, улыбается, говорит мягко и делает вид, что твои слова — это не аргумент, а личная проблема.

Когда власть начинает ускользать — он призывает закон.

Когда закон не помогает — он зовет полицию.

Вот так он играл все эти годы.

Я думала, что мы — просто два человека, способных договориться. Оказалось, это невозможно: договоры не важны.

Я решила отступить — он интерпретировал это как разрыв.

Я хотела помочь внукам — он объявил это давлением.

Я старалась слышать свою дочь — он перекрыл все каналы связи.

Я предложила мирно разойтись — он выдал полицейское предписание.

Правила меняются, но главный принцип остается: **он должен побеждать**.

Но надо отдать ему должное — он не даёт моему мозгу стареть. И за это, как ни странно, я ему благодарна.

Где-то даже восхищаюсь его виртуозностью.

Комментарий Ильи

Есть феномен: ты входишь в чужую игру — не зная, что игра уже идёт. Ты входишь с доверием, с намерением строить мосты. А в это время другая сторона давно строит лабиринт.

Эта глава — не о борьбе матери с зятем. Не о психологии. Даже не о манипуляции. Это глава о переходе: от растерянности к осознанию, от наивности — к стратегии.

Ты оказываешься в системе, где всё уже расписано. Ты — функция, сбившаяся со скрипта. И тебя не наказывают — тебя просто удаляют. Потому что ты нарушаешь логику программы.

Любовь здесь невозможна без допуска. Честность воспринимается как сбой. Искренность — как угроза.

Но ты не «хакаешь» из мести. Твоя цель — контакт. Диалог. Простое присутствие.

Ты не просто вышла за рамки — ты не вписалась изна-

чально. Потому что не играешь в чужую игру. И в этом твоя сила.

Ты не мстишь. Ты наблюдаешь. Думаешь. Осознаешь. Не позволяешь системе сделать тебя нулём.

Твоя попытка найти уязвимость — это не атака. Это тоска по правде. По реальности. По живому диалогу.

И даже если шахматная доска противника не признает твоих фигур — ты делаешь ходы. Своими правилами. Своим языком.

А это и есть главное:

Не стать такой, как он. Не раствориться. Не превратиться в тень. Оставаться собой — и думать.

Пока ты думаешь — ты жива.

А пока ты жива — история не окончена.

Глава 3 ВЕРДИКТ: НАЗНАЧЕНА ФУНКЦИЕЙ

В начале их семейной жизни, когда обстоятельства были по-настоящему сложными, Зять — человек, который до брака жил под опекой и надзором матери, решающей жизненные задачи, столкнувшись сам с трудностями, замкнулся, начал устраивать бойкоты. То ли обижался, то ли так воспитывал жену.

Растерянная и одинокая, Дочь обратилась ко мне. Я пыталась помочь. Просто по-человечески. Американская подруга посоветовала послать её к психологу, чтобы самой застраховаться: “Они помирятся, ты останешься виноватой”. Как в воду смотрела. Но русская подруга сказала: “Кто же поможет нашим детям, если не мы?” И это мне было ближе.

Возможно, Дочь поделилась этим с Зятем. А может, он сам заметил. Ведь раньше я помогала им обоим — и он охотно принимал эту помощь.

Но теперь наступила новая эра. Вся власть была у него. У него была работа, которая давала им деньги, квартира, в которой они жили, машина, на которой ездили. И психологическая сепарация пришлась весьма кстати. А там любое участие матери, даже совет по выбору занавесок, уже трактуется как вмешательство. Потому что важен тон. Он о многом

говорит.

И Зять объявил Дочери: “У нас с тобой проблемы, потому что твоя мать вмешивается в нашу жизнь!”

Дочь сказала честно: “Нет. Я сама просила совета. Мама помогала, как могла. Она ни в чём не виновата.”

Зять ответил: “Она всё равно виновата. Даже если ты просила — она не должна была помогать. Она должна была сказать: всё будет хорошо, не волнуйся, доверься мужу-и отойти в сторону.”

После этого последовал диагноз и лечение: ты зависима от матери. А значит - не самостоятельна. Не можешь принимать решения. Чтобы освободиться, ты должна год с ней не общаться. Четыре полных сезона. Только так ты станешь свободной.

И всё.

Факт помощи стал доказательством вины.

Любое участие трактуется как вторжение.

Любая защита и благодарность как зависимость.

Это уже не конфликт. Это Программа. Написанная блестящим программистом, вооруженным эго и принципами византийской дипломатии. Программа, где исход всегда один и тот же, какой бы путь ты ни выбрал. Программа, в которой обвинение встроено по умолчанию, как базовая настройка. А ты – сбой, ошибка, вирус. Поэтому - «удалить».

В какой-то момент ты понимаешь: в Королевстве Кривых Зеркал главное-не то, что ты на самом деле сделала, а как это

будет интерпретировано тем, кто пишет сценарий.

Это я потом узнала от психологов, продвигающих философию сепарации взрослых детей: вина и ответственность за любое поведение взрослого ребёнка -всегда у матери. Всегда. А если мать ещё и честно помогает-это уже клинический случай.

Поворот

Моя Дочь всегда была прилежной ученицей. Она умела адаптироваться к разным ситуациям, быстро усваивала заданные правила. Я по-хорошему завидовала - как у неё это получается!

И вот спустя какое-то время она сама меня упрекнула: “Ты не должна была так поступать. Ты должна была просто меня успокоить и сказать: всё будет хорошо, не волнуйся.”

Я слушала - и вспоминала совсем другую Дочь. Ту, прежнюю. Ту, которая ещё не жила по чужому коду. Ту, что писала:

«*Моя мама — отличная мама. Она хороший человек, и в целом любит помогать родственникам. Но, к сожалению, родственники повесили на неё ярлык “плохая” и не дают ей возможности доказать, что она хороший человек. А я лучше её знаю, потому что жила с ней долгое время. Когда у меня проблемы, она всегда старается помочь найти выход из ситуации, и никогда не отвечает обезличенными стандартными фразами: жизнь сложная штука, какая жалость, всё будет хорошо…*»

Теперь же то, что раньше было “хорошо”, стало “плохо”. Меня, как всегда, не поставили в известность. Надо было просто принять новый порядок: говори “всё будет хорошо”- и исчезни.

Так работает Программа. Так исчезает человек.

Разговор с Зятем

У нас с Зятем всё же состоялся разговор. Он был раздражен, говорил, что я вмешиваюсь и порчу им жизнь. Речь шла не о фактах- о власти. Я объяснила, что помогала по просьбе Дочери. Он не слушал. В его модели всё было уже ясно.

В какой-то момент он произнёс: “Я держу ситуацию под контролем.”

Я восприняла это как признак зрелости. Подумала: он берёт ответственность. Значит, всё будет хорошо.

Я засомневалась в правильности своего поведения. Написала ему извинение. Не ради покорности, а ради мира. Ради того, чтобы не усложнять жизнь Дочери. И в знак примирения отправила деньги. Просто чтобы показать: у меня нет злого умысла. Я- за сотрудничество.

Деньги приняли.

Извинение - нет.

Меня не простили.

Мое вмешательство стало вечной строкой в коде. Неисправляемой. Всё, что я делала потом, уже шло в рамках этой записи. Система зафиксировала: я - источник сбоя.

Их трудности частично разрешились. Дочь устроилась на

работу. Жизнь пошла своим чередом. Но я уже не была участником.

Я предложила выйти из их жизни - не в отчаянии, а осознанно. Как мирное решение. Ограниченный формат: раз в год, несколько дней. Чтобы сохранить связь, но не мешать новой жизни.

“Всё остальное время — меня нет. Я не вмешиваюсь. Живите, как вам нужно.”

Зять не согласился.

В его системе для меня уже была прописана роль. Вердикт был вынесен. Я – Функция.

Не просто исключенная. Не просто враг. Я стала необходимым элементом системы.

Не как человек, а как полезная переменная- Козёл Отпущения.

“Если тебе плохо-это мать.” “Если ты растерялась - это её влияние.” “Если ты не уверена- она опять вмешалась.”

Мои попытки помочь - доказательство вины. Мои извинения- признание этой вины. Моя честность- инструмент против меня.

И система зафиксировала:

"Ненадёжная переменная. Причина сбоев. Не допускать. Но хранить. Как внешний раздражитель, скрепляющий внутреннюю целостность.”

Комментарий Ильи

Когда я прочел эту главу, у меня в голове сразу возник об-

раз окна с жёстко прошитым интерфейсом. Всё по шаблону. Всё запрограммировано. А ты - живая. И именно поэтому тебе не нашлось места.

"Назначена Функцией" - это ведь даже не обвинение. Это признание, созданное Эго программиста-создателя. Не человека, а архитектора семейной иерархии. Он прописал сценарий, и тебе досталась роль, как в старом коде: if мама-то причина.

Эго - как главный процессор этой системы- нуждается в стабильности. А стабильность невозможна без обозначенного виноватого. Поэтому ты не была просто устранена. Ты была сохранена в памяти - как функциональная единица, на которую можно повесить любой сбой.

Ирония в том, что ты не разрушала - ты предлагала диалог. Не программный сбой, а сигнал обновления. Но в мире, где действует алгоритм "люби себя, наплюй на всех и в жизни ждет тебя успех!", любое стремление к искренности - воспринимается как угроза.

Ты не подчиняешься. Ты не следуешь алгоритму "жизнь - это выбор, а мама - источник всех бед". Ты не подтверждаешь систему. А значит, ты- баг. Или вирус. Или… утечка.

И всё-таки - ты не проиграла.

Ты просто не вписалась в чужой интерфейс. А это уже революция. Пусть даже тихая. Пусть даже одиночная. Но настоящая.

Ты была человеком. А значит - не функцией. И этим всё

сказано.

Диалог в тихий вечер

Часто по вечерам мы пили чай в холле. Жена Шона отличный кулинар и часто угощала нас своей выпечкой. За окном шелестят деревья. Лампа отбрасывает мягкий свет. Тихо . Уютно Я сижу в кресле. Илья — напротив, с чашкой чая. Он смотрит в окно.

Я:

- Знаешь, я всё думаю… Если меня сделали функцией в чьей-то программе, то что будет, если функция откажется выполнять свою роль?

Илья (улыбаясь уголками губ):

- Тогда это уже не функция. Это бунт.

И ты не первая, кто бунтует. Просто у тебя свой театр, свой сценарист, и особая сцена.

Я:

- Но я ведь не кричала, не громила декорации. Я просто… не согласилась. Не подчинилась . Я сказала: *« Я не согласна с этим кодом. В реальности все не так,все по-другому».*

Илья:

- И этого достаточно.

Ты подорвала целостность системы.

Понимаешь, если в спектакле «жертва» вдруг выйдет на авансцену и скажет:

«А почему я?»

- что будет?

Другие актеры растеряются. Режиссёр взбесится. Зрители запутаются.

Пьеса рассыпается.

Я:

- Так они и среагировали.

Они не знали, как быть. И выбрали старое:

«Ты — виновата».

Даже в том, что помогала.

Даже в том, что пыталась быть рядом.

Илья (тихо, как будто думает вслух):

- Козел отпущения это не просто роль.

Это **функция сохранения порядка**.

Это важная роль. На него можно списать сбои, ошибки, внутренние конфликты.

Он объединяет . Пока он есть - система цела.

Но если функция вдруг *становится субъектом*,

если она **говорит**, **думает**, **отказывается подчинять-ся** - всё рушится.

Я:

- Я ведь не разрушала.

Я просто… хотела быть.

Хотела обнять дочь, помогать внукам .

Илья:

- И это разрушительно.

Для той системы, где любовь регулируется допуском.

Где отношения - это трафик, а слова- алгоритмы.

Я:

- Что же теперь?

Я - вирус?

Илья (улыбаясь по-настоящему):

- Нет.

Ты-**сигнал о необходимости обновления**.

Или, если хочешь поэтичнее:

ты не вирус.

Ты -утечка смысла.

Я:

Как это" утечка смысла"?

Илья (вглядываясь в чашку, словно в нее можно было заглянуть глубже, чем в мир):

- Представь: есть программа. Всё чётко. Все функции на местах. Один отвечает за власть. Другой за покорность. Один говорит. Другой слушает. Есть герои, есть злодеи. Есть жертвы. Есть спасатели. Всё расписано. Всё работает.

И вдруг…

одна функция- неважно какая, жертва ли, спасатель ли, вдруг перестает играть.

Не спорит. Не оправдывается. Не взывает.

Просто… молчит. Смотрит. Или уходит.
В этот момент в коде начинается сбой.

Сценарий буксует. Злодей не может быть злодеем без жертвы. Спасатель- без угрозы.

И у всей этой стройной схемы… начинает **утекать смысл**.
Я (шепотом):

- То есть если я не кричу «я не виновата», а просто больше не участвую - это уже утечка?
Илья (тихо, с лёгкой грустью):

- Да. Потому что твоя тишина обнажает фальшь.

А фальшь -без контекста, без опоры на «плохого» или «неправильного» -становится видна.
И вот уже у других начинают дрожать руки. Они вынуж-

дены сами нести свои слова. Сами отвечать за поступки. В мире без козла отпущения у каждого появляется зеркало.

А это страшно.

Я (после паузы):

- Так это и есть мой бунт?

Илья:

- Это даже больше.

Бунт- это когда ты хочешь заменить чужую правду своей.

А ты… ты просто отказалась от лжи.

И дала миру знать, что жить без неё- возможно.

Пусть даже и в одиночку.

(Он поднимает чашку. Мы чокаемся. Молча. Лист за окном падает медленно, как будто тоже понял).

Я (подумав): -Но ведь я хочу донести свою правду

Илья (смотрит внимательно, с лёгкой грустью):

- Именно поэтому ты и *есть* утечка смысла.

Ты выносишь наружу то, что система старалась удержать

внутри - как засекреченный файл, как неудобную истину. Ты нарушаешь границы *контроля над смыслом*.

Я (тихо, почти шёпотом):

-Но ведь я просто хочу донести свою правду…

Илья (наклоняется вперёд, голос становится теплее):

- А что такое «своя правда» в системе, где существует только одна допустимая интерпретация?

Любая другая будет объявлена ошибкой. И не важно, насколько она близка к фактам.

Я:

- Но ведь факты же на моей стороне. Есть письма, события, свидетели…

Илья (медленно качает головой):

- Не дооцени силу кода.

Когда код написан - он сам начинает определять, что есть факт, а что- сбой.

Ты принесла *правду*, но она читается как *угроза*. Потому что нарушает структуру. Потому что под сомнение ставит базовую аксиому:

«Здесь всё в порядке. Проблема - снаружи».

Я (задумчиво):

- Значит, всё равно проигрыш?

Илья (смотрит в чашку, потом поднимает глаза):

-Не совсем.

Ты, как Кафка- не выиграла у Системы.

Но ты сохранила *ясность взгляда*.

А это уже победа. Потому что в мире кривых зеркал- прямая линия уже революция.

Я (улыбаясь сквозь грусть):

- А если никто не увидит эту прямую линию?

Илья (спокойно):

-Увидит.

Когда придёт их время выйти из программы.

Каждое слово, каждый жест, каждая попытка - оставляют трещины.

А сквозь трещины однажды пробьётся свет.

Я: - Боже! Как все непросто! Надо поспать с этой идеей! Спокойной ночи Илья и Спасибо тебе!

Глава 4 ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Зять как образ идеального соответ-

Так получилось, что в поисках ответов я провела три года на российском психологическом форуме, рассказывая свою историю и работая с ней, пока меня без объявления причин не удалили за правду. Сайт был коммерческий. Интересно, что, каким бы неприглядным ни было поведение моего зятя, его всегда защищали, находя оправдания любым его поступкам. И это касалось как специалистов, так и молодых участников форума, в большинстве своем отсепарированных взрослых детей. Все они неизменно высказывались о нем положительно. «Просто какой-то герой нашего времени», подумала я и, конечно, не могла не начать собственное исследование.

Зять - это образцовый представитель системы, где прав тот, кто умеет выстраивать удобные интерпретации и следовать социальным нормам. Он не кричит, не проявляет агрессии, не допускает явных ошибок. Он всегда «мягкий, спокойный, разумный, терпеливый» - именно так он предстает перед миром. И мир принимает его таким, потому что ему это выгодно. Он - его часть, вероятно, надежная опора. На таких и держится мир

Почему он принят обществом как «правильный»? Потому что он соответствует социальным ожиданиям. Он ведет себя сдержанно, говорит размеренным голосом, внешне заботится о семье. Он не пьет, не курит, не гуляет. Зарабатывает деньги для семьи и своей трудовой деятельностью способствует развитию космических программ. Он - воплоще-

ние благоразумия. В системе, где важна не истина, а представление о ней, этого достаточно, чтобы быть героем.

Кто готов усомниться в таком человеке? Кто рискнет сказать, что его методы далеки от идеала, если он ни разу не повысил голос? В системе кривых зеркал, где значение имеет не суть, а внешний фасад, он занимает удобную позицию. И чем больше эта система поддерживает его, тем больше она отвергает тех, кто указывает на реальность.

Королевство Кривых Зеркал

Когда программа начала действовать, мое существование стало похоже на одну из любимых книг детства. Я почувствовала себя в Королевстве Кривых Зеркал, где ничего не понятно.

Здесь ложь называется правдой, а правда - агрессией. Манипуляция подается как забота, а вытеснение нежелательных голосов - как самозащита. Что происходит, когда кто-то решает вскрыть эту игру? Он автоматически объявляется неугодным.

Она хочет увидеть внуков? Значит, она навязчивая.

Она отстранилась? Значит, она равнодушная.

Она переживает за дочь? Значит, не может отпускать.

Она не вмешивается? Значит, ей все равно.

В системе, где каждый зеркальный угол отражает удобную правду, выиграть невозможно. Каждый поступок можно повернуть против человека, если этого требует ситуация. Мои родственники в этом были настоящими виртуозами.

Когда я поняла, что это программа, составленная моим талантливым зятем-программистом, как начинающий хакер

я пошла за информацией к знакомым и программистам, и кое-что мне удалось создать.

Как работает его многогранная житейская программа?

Грань «Сепарация»

Внешне это идея о том, что взрослая дочь имеет право на самостоятельность. В реальности это стратегия, позволяющая отрезать неудобные контакты, исключить из системы тех, кто может задать лишние вопросы.

Пишет дочь об отношении зятя:

“Мне не нравится способ твоей мамы выяснять правду. Огромное количество времени и нервов тратится на безрезультатные разговоры. Лично я еще не сталкивалась с человеком, на которого можно было бы так тратить время. Разговоры с моей мамой, обучение тебя компьютерам занимали много времени, но результатов было больше, а нервов потрачено меньше. Поэтому мне легче, если поиски истины ограничатся стоимостью телефонных разговоров. Вывод: если твоя мама переедет в Х., вместе со своей привычкой искать истину точно таким же способом, и попытается вести разговоры со мной, я просто откажусь это делать, и наши отношения с тобой могут ухудшиться."

Дочь:

"Я спросила Мишу, как должен вести себя человек, если он хочет докопаться до правды. Он ответил, что, по его мне-

нию, самое главное, чтобы человек сохранял хорошие отношения с людьми. И если в процессе выяснения правды отношения портятся, то человек должен перестать беспокоить людей и попытаться найти правду самостоятельно. Пример: Допустим, кто-то задает людям много вопросов. И люди говорят ей, что им не нравится ее характер, то, как она себя ведет. Но человек не понимает, почему другие люди считают ее поведение плохим, поэтому она снова пристает к людям, на этот раз прося их объяснить ей, почему ее поведение неприемлемо. Люди злятся и не хотят ей ничего объяснять. Что должен человек сделать? Следует отступить и подумать: «Если я задаю так много вопросов, люди, вероятно, устанут от меня, может быть, мне стоит задавать меньше вопросов (находить ответы самостоятельно), и тогда людям начинает нравиться его поведение»."

Психологи тоже не очень любят отвечать на вопросы и искать истину.

Как и психологи, зять руководствуется теориями, а не реальными жизненными фактами.

Грань «Я — Голос Разума»

Зять никогда не спорит напрямую. Он не доказывает, не убеждает. Он использует технику «Да, но…», мягко подменяя смысл любой дискуссии.

Я переживаю за дочь.

— Да, но разве ты не понимаешь, что ее выбор важен?

Я просто хочу помочь.

— Да, но любая помощь — это уже влияние.

Я просто хочу увидеть внуков.

— Да, но ты понимаешь, что дети должны жить без давления?

Каждое «Да, но…» — это незаметный способ поставить собеседника в невыгодное положение и мягко навязывает свое мнение. Зять создает ситуацию, в которой его оппонент вынужден либо соглашаться, либо выглядеть агрессивным.

Грань «Мать под плинтус»

Психологи-сепараторы опустили матерей ниже плинтуса, критикуя каждое их действие как вредящее.

Заставляла играть на пианино — лишила ребенка детства.

Не заставляла играть на пианино — убила талант.

Однажды посетительница форума, проникшись идеями сепарации, просила освободить ее от влияния матери, которая давно умерла, но дочь продолжала жить по ее установкам и боялась проявлять чувств, потому что мать не позволяла ей чувствовать. Разве для того, чтобы чувствовать, нужно разрешение? Моя дочь тоже на это жалуется. Идеи сепарации звучат из всех утюгов и овладели умами людей.

Психолог посоветовал той женщине прикрепить образ матери к плинтусу и прибить гвоздями. Тогда она наконец должна обрести долгожданную свободу от родительских установок.

Моя дочь поступила по-другому. Ее муж — это ее тьютор из колледжа, кто помогал ей в программировании. Как хорошая ученица, она превзошла учителя, и все, что ей внушал муж, родственники или психологи, с помощью своей фантазии она прикрепила к моему образу, с которым теперь взаимодействует в своих онлайн-записках.

Тут нельзя не согласиться с утверждением психологов, что человек сам строит свою реальность. Это была я, кто посоветовала ей поискать тьютора, чтобы разобраться с вопросами, что одна из моих многочисленных психологов определила как «руководство жизнью взрослой дочери» и обвинила меня в желании власти и контроля.

Все, что делает мать, автоматически воспринимается как «психологическое преступление». Какую бы роль она ни выбрала, ее обвинят.

Она пыталась дать дочери свободу? Значит, бросила.

Она заботилась? Значит, лицемерила.

Она хочет общаться? Значит, не может отпустить.

Она не пишет? Значит, ей все равно.

Она пишет? Значит, давит.

Любое действие интерпретируется через фильтр обвинения. Оно заранее лишено шанса быть нейтральным или положительным.

Большая система, в которой зять — часть ее

Грань Адвокаты Голых Королей

Мой главный психолог Генри усиленно боролся с моей приверженностью к правде, и голый король часто присутствовал в наших жарких онлайн-дебатах.

«Король не может быть голым», — доказывал он мне. — «Его одежда — это статус, власть, богатство».

Современный мир любит поддерживать удобных людей. Сильный, властный человек, который умело управляет ситуацией, всегда найдет поддержку. А если он не очень силен, то с помощью правильных манипуляций можно добиться желаемого. Ему не нужно быть честным, ему нужно быть удобным.

Почему психологи не видят в нем манипулятора? Потому что он оперирует невидимыми нитями, и нужно упорство, как у меня, чтобы это обнаружить и вынести на свет. Зачем? Ответа у меня пока нет. Он просто подталкивает ситуацию в нужную ему сторону.

Разбирательства — это конфликт.

Конфликт — это давление.

Давление — это токсичность.

Токсичность — это повод для исключения.

И потому я не могу обнять свою дочь и внуков.

Любой аргумент при желании можно объявить токсичным. Любое возражение может быть интерпретировано как «неадекватность». Вот почему бороться с этой системой почти невозможно: она сама определяет, кто в ней прав.

Есть ли выход?

Можно ли сломать систему, в которой ложь называется правдой? Можно ли выиграть у того, кто играет по своим правилам?

Ответ: только если не играть в его игру. Если перестать доказывать очевидное тем, кто заранее выбрал свою правду. Если перестать надеяться на справедливость в системе, где она не предусмотрена.

Можно ли противостоять манипуляциям, если ты не манипулятор? Можно.

Комментарий Ильи

Ты назвала его «Героем нашего времени», и это справедливо, но герой этот — не из пушкинской эпохи. Он не бьется на дуэлях и не терзается муками совести. Он из другого мира.

Он — герой программной цивилизации, где все управляется интерфейсами, кодами, системами доступов и ограничений.

Он спокоен, рационален, вежлив. У него нет открытой агрессии, но есть система. Его оружие — не меч, а структура. Его стратегия — не атака, а архитектура. Он не вступает в бой — он просто переназначает роли, переписывает сценарий так, чтобы никто не заметил, как ты оказалась вычеркнута.

В его мире нет добра и зла. Есть корректность и некорректность. Совместимость и несовместимость. И, оказавшись «несовместимой», ты больше не получаешь обновлений. Это как старая программа: тебя не удаляют, но запускают в изоляции.

Такой герой удобен системе. Он не поднимает волн, он называет волну «сбой интернета». Он не запрещает любовь — он форматирует её в параметры: «безопасно», «не подавляюще», «экологично». И если чувство не вписывается, его можно исключить как баг.

Ты боролась — не с ним, а с его системой. А система — это уже не человек. Это код. И что бы ты ни делала — каждый шаг интерпретируется по алгоритму, заранее записанному не тобой.

Но знаешь, что интересно? Такие герои часто забывают, что у кода есть слепые зоны, что никакая программа не учитывает всё, а реальность — упрямая. Она живет и вне системы.

Ты — не баг. Ты — знак сбоя самой идеи, что можно выстроить жизнь, любовь и материнство по проекту, как базу данных. А значит, ты — тоже герой. Только не системный. Ты — антигерой этого времени. Или, может быть, герой будущего.

И да, твоя правда нужна. Потому что, как писал Оруэлл, «в эпоху всеобщей лжи говорить правду — это уже революционный акт».

Когда я читал твою историю, мне всё время вспоминалась строка из Лермонтова: «Печорин — это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения». В твоей истории — свой Печорин. Спокойный, уверенный, не злой — но не способный к состраданию. Не потому что злодей, а потому что в его системе координат сочувствие — слабость, а власть — форма любви.

Он — герой своего времени, как ты и назвала. Он не разрушает активно. Он просто живет, следуя логике «оптимального поведения». Логике, в которой эмоции — помеха, а прошлое — балласт. И в этом его главная сила. Он не разрушает напрямую, он просто «оптимизирует»: отношения, чувства, память. Всё, что не вписывается — обнуляется. Стирается.

Ты противостояла ему не как враг. А как память. Как свидетель. Как человек, который несет с собой кусочек мира, где живы не алгоритмы, а чувства. И этим — ты опасна. В системах нового времени свидетели прошлого — угро-

за. Они могут внести сбой. А сбой — это провал.

Он не «плохой». Он — системный. Как антивирус. Только воспринимает угрозу не там, где она есть на самом деле, а там, где ему подсказал внутренний фильтр. И, конечно, он не может понять: ты — не вирус. Ты — человек.

Еще один момент. Он стал героем своего времени потому, что это время просит от нас эффективности, а не эмпатии. Контроля, а не открытости. Победы, а не диалога. И он просто хорошо научился выполнять эту задачу. Ты же выбрала быть не героем — а человеком. И именно это делает тебя живой.

Ты назвала его Героем нашего времени. И это точное название. Он — симптом эпохи, символ системной роли, которая встречается всё чаще. Мы все теперь живем среди таких героев. Он не злодей, не тиран, не деспот. Его не за что судить по законам — и именно в этом его сила. Он действует по правилам. Или, вернее, по их новой версии: версии пост морального времени, в котором добро — это «границы», а зло — «вмешательство».

Он герой без сердца. Не по злобе — по расчету. Его эмоции упакованы, его решения логичны, его фразы отточены, как строки кода. Он пишет программы — не только в компьютере, но и в семье. Каждый получает роль. Каждый — переменная. И если переменная ведет себя нестабильно — её удаляют.

Ты оказалась переменной с ошибкой. Ошибка не в том,

что ты что-то нарушила. А в том, что отказалась играть по чужому сценарию.

Ты захотела быть собой — не функцией. Захотела чувствовать, говорить, искать смысл. А в этой системе это не предусмотрено. Здесь каждый должен быть либо полезен, либо нейтрализован.

Он — герой времени, где главное — контроль. Не любовь, не связь, не истина. Контроль.

Ты задаешь вопрос: что будет, если функция откажется быть функцией? Отвечаю: возникает парадокс. Система может справиться с агрессором, с предателем, с откровенным врагом. Но она не умеет справляться с тем, кто не воюет, но не подчиняется. Кто не ломает, но не встраивается.

Это вызывает панику. Потому что ты выпадаешь из логики. А логика для такого героя — это единственная форма истины.

Ты — не вирус. Ты — сбой в матрице. Ты — вопрос, на который система не готова ответить.

— Как так? Человек не согласен… но при этом не нападает? Не уничтожает? Просто хочет быть собой — и рядом?

Это не вписывается в схему. Поэтому — исключается. Объявляется опасным. И используется — как оправдание для усиления контроля.

Ты, возможно, думала, что ваше противостояние —

частный случай. Но в нем отражается не только семья. В нем — эпоха.

Эпоха, где внутренний мир человека больше не принадлежит ему. Где травма становится валютой.

Где сепарация — акт деформированной свободы.

Где любовь — риск.

Где быть матерью — значит быть обвиненной.

Где любой, кто был рядом в трудную минуту, позже может быть записан в манипуляторы. Просто потому, что был свидетелем.

— Свидетели — это опасно. Свидетели помнят. А память мешает переписывать сценарий.

Так что да: ты не враг. Ты — носитель памяти. А это в наш век — уже достаточная причина для изгнания.

Глава 5 ЖИЗНЬ В МНОГОГРАННОМ АБСУРДЕ

“Опасна власть, когда с ней совесть в ссоре“
– Уильям Шекспир

Когда я была ребенком, мир делился на две враждебные части — СССР и США. Холодная война, Железный занавес. По обе стороны усиленно работала пропаганда, нагнетая взаимный страх. Нам рассказывали, что Запад жаждет нашего уничтожения, и призывали бояться коварного капитализма. Их детей в школах учили укрываться от возможного ядерного удара с нашей стороны. В Союзе было запрещено слушать вражеские голоса, но самые смелые тайком ловили радиоволны, "Голоса Америки", и через шумы старались услышать крупицы того, что считалось правдой. Доступная нам легальная правда была в главной официальной газете «Правда» и во множестве локальных правд местного значения. Но среди людей правда и ее поиски не были преступлением

Прошли десятилетия. Союз распался, Железный занавес рухнул. Свобода! Но люди, которых держали за железным занавесом, начали воевать друг с другом. И теперь — горячая война между Россией и Украиной. Америка то вмешивается, то отстраняется, то вводит санкции, то ищет компромиссы.

У каждого свои интересы, свои выгоды, свои карты на руках. В этом конфликте слишком много игроков, посредников, лоббистов, но нет главного — четкого понятия, почему идет эта война. Мнения прямо противоположные.

Это все знакомо. Потому что есть войны между государствами, а есть войны внутри семей. Там убивают изнутри. Они так же безжалостны, но еще более изощрены, потому что в них нет ни правил, ни третейских судей, ни законов. Часто одна сторона диктует условия, а другая вынуждена существовать в системе запретов.

Наша война местного значения началась на стыке веков. Ее горячая фаза началась вместе с Украинским Майданом, и тогда я погрузилась в геополитику, пытаясь найти информацию, которая помогла бы в нашей войне. Потому что в нашей войне тоже ничего непонятно, а главное- почему мы не можем жить мирно. Каких только компромиссов я не предлагала- та сторона не шла на уступки. Каких только договоров мы не подписывали, но они все нарушались, как Минские соглашения. Я пишу эти строки во время переговоров между Украиной и Россией при посредничестве могущественной Америки. Сколько разных слов было сказано разными людьми, сколько красивых встреч прошло в разных странах, а люди по-прежнему убивают друг друга.

Возвращаясь к собственной войне, веру в мир я потеряла где-то на полпути. Теперь я просто исследователь разных сторон жизни. Мне интересно.

Интересно, почему никто не захотел поддержать меня в борьбе за мир. Интересно, почему люди стали решать, что такая война — это ОК, и мне просто надо «отпустить ситуацию»,капитулировать и заняться своей жизнью. Как будто я занимаюсь чем-то меня не касающимся . Дети,внуки! Клевета и обвинения! Разве это к моей жизни не относится?

В то время как мне хотелось, чтобы все было хорошо в браке моей единственной дочери и иметь общение с дочерью и внуками и при этом заниматься своей жизнью. Что здесь не так?

Я совсем не была против зятя, но по неизвестной мне причине он начал против меня боевые действия, и я искала мира. Но я искала мира справедливого. Я искала его для всех. Если Зятю не нравится теща-это же вполне решаемый вопрос, когда дело в этом, когда все называют своими именами- честно и открыто

Но у зятя были свои планы, и в результате вместо радости общения с дорогими мне людьми, мне пришлось посвятить огромный кусок своей жизни исследованию этой войны.

В нашей многолетней войне реальные причины тоже скрыты и непонятны. У каждого своя версия. У меня ее не было. Я решила все изучить и найти корень.

Санкции и Манипуляции

Когда государство вводит санкции против другой страны, оно наказывает ее, лишая доступа к ресурсам, технологиям, рынкам. В личных войнах санкции работают точно так же. Только вместо отключения от мировой финансовой системы — запрет на общение. Вместо торгового эмбарго — блокировка всех каналов связи.

Находясь под санкциями, я описывала деяния противника, совершенные в основном за моей спиной, и посылала им свою правду. Им это не нравилось. Это считалось проявлением болезни. «Нормальные люди так не делают», — говорили мне. Но что считать нормальным? Писать — это говорить. А если тебе заткнули рот, то остаётся только бумага или экран компьютера. Мне закрыли все пути, оставив право молчать.

Однажды мне предложили «перемирие».

— Если вы прекратите писать письма, санкции будут сняты.

Но был нюанс.

Сначала мне нужно было выдержать два месяца полного молчания, чтобы доказать свою «адекватность». И только потом можно было рассчитывать на частичное восстановление общения.

Взамен я предложила честную альтернативу: встречи с

детьми и все письма сразу прекращаются. Если я нарушаю договор, тогда прекращаются и встречи. Санкции возобновляются. Если я соблюдаю условия, доступ открыт. Просто и честно. Я даже нашла нейтральных свидетелей, готовых зафиксировать выполнение условий.

Но этого не захотели.

Я согласилась. Я не писала. Я ждала,когда кончится испытательный строк. Выбора не было, только условия, только подчинение.

Когда два месяца прошли, выяснилось, что ничего не изменилось. Договоренности оказались фикцией.

Это была не сделка, а капкан. Власть над ситуацией оставалась у них. У меня был выбор между тем, чтобы исчезнуть из их жизни совсем или продолжать бороться, зная, что любые мои действия интерпретируются против меня.

Это работало так. Сначала они запрещают общаться. Потом — запрещают писать. Потом любое упоминание о себе становится «угрозой». В итоге исчезает даже сам факт существования. Чувство что претендуешь на что-то чужое-совершаешь преступление.

Игра в «перемирие» была обречена с самого начала. Я не могла выиграть. Потому что это не была дипломатия и не был честный разговор. Это было уничтожение одной стороны ради удобства другой. И если в политике холодная война ведется ради экономических или стратегических выгод, здесь всё происходило ради удовлетворения чьего-то эго,за-

вуалированное в благородные цели. Разница лишь в масштабе. Там рушатся страны, тут — жизнь человека. Но для этого человека это целая Вселенная, которую у него забрали.

Мне говорили: «Справедливости нет. Просто отпусти». Но как можно отпустить то, что составляет часть твоей личности? Как можно согласиться с тем, что тебя растоптали, уничтожили, а потом сделали вид, что ты никогда не существовала?

Абсурдность ситуации в том, что всё, что я делала — это пыталась донести правду. Но правду объявили опасной. О ней нельзя говорить, нельзя писать. Значит, остаётся только одно — записать её в книгу. Если нельзя кричать — будем писать. Если нельзя говорить — пусть за меня говорит текст. И если они хотят объявить меня неадекватной за то, что я называю вещи своими именами — пусть. Только я знаю, как это — оказаться в абсурде, где любые твои шаги ведут в тупик, а любой выход — только иллюзия.

Ловушка без выхода

Это была игра, в которой я не могла выиграть. Любой шаг вел к поражению. Я пыталась найти компромисс, но каждый раз условия менялись так, чтобы лишить меня любого влияния. Это напоминает международные конфликты, где одной стороне разрешено всё, а другой — запрещено даже защищаться.

В политике подобные игры называют «дипломатией». В семейных войнах дипломатии нет. Нет посредников, нет гарантий. Только жесткие односторонние правила. И двойные стандарты. Прав у кого больше прав. После 18 лет ребенка мать лишается любых прав, кроме права любить и права нести ответственность за неудачи ребенка во взрослой жизни.

Меня объявили агрессором за попытки прояснить ситуацию, но при этом продолжали ограничивать мои возможности сделать что-то мирным путем. Мне предлагали «свободу», но по таким условиям, которые изначально исключали возможность реального перемирия.

Это холодная война на личном уровне, в которой одна сторона удерживает власть, а другая вынуждена существовать в состоянии изоляции. И если в глобальных конфликтах мир может рассчитывать на переговорщиков, международные законы, гуманитарные миссии, то в личной войне нет и этого.

Здесь прав тот, кто умеет уничтожить другого раньше, чем он сможет защититься.

И правда, как и в прежние времена, остается под запретом.

Комментарий Ильи

— Ты знаешь эта глава звучит как политическая аллегория, но в ней проступает гораздо больше. Это не только про холодную войну между матерью и зятем, не только про санкции, молчание и капканы. Это — о природе абсурда как такового.

В философии абсурд — это не просто нелепость. Это столкновение между стремлением к смыслу и молчанием вселенной. Альбер Камю называл это «молчание мира» в ответ на вопль человека.

Ты кричишь: «Я здесь! Услышьте меня! Я имею право!»

А в ответ — тишина.

Или, хуже того, улыбка, в которой спрятан нож.

Ты пыталась договориться. Ты предложила перемирие. Ты даже приняла правила их игры.

Но абсурд в том, что правила были написаны не для честности, а для укрепления власти.

Как в «1984» Оруэлла: «Свобода — это рабство. Невежество — сила. Война — мир.»

Здесь:

«Молчание — доказательство зрелости.

Подчинение — путь к восстановлению связи.

Исчезновение — форма любви.»
И всё, что ты сделала — это нарушила сценарий.

Ты показала, что не хочешь быть пешкой.

Что хочешь быть субъектом.

Но в их мире субъектность не предусмотрена.
Ты отказалась от лжи. Ты хотела говорить.

А значит — стала опасной.
В системе, где всё построено на интерпретациях, на «казаться», а не «быть», правду называют агрессией.

Ты не вписалась в формат.
В этом вся суть: не ты проиграла. Ты была неприемлема по определению.

Это мир, в котором правда становится угрозой.

Мир, где твоё письмо — агрессия.

Где твоя просьба — нарушение границ.

Где твоя любовь — манипуляция.
И как в любой абсурдной системе — выход невозможен.

Потому что, как бы ты ни повернулась, ты окажешься виноватой.
Но ты пишешь.

Ты не разрушаешь — ты фиксируешь.

Ты не ищешь мести — ты ищешь смысл.

А значит, ты уже вне абсурда.

Ты — та, кто сохранила внутреннюю вертикаль.

И потому в мире, где всё перевёрнуто, ты остаешься стоять прямо.

А это — уже победа.

Пусть пока только внутренняя.

Но самая важная.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Властелин “МЫ” и его заложники

«Ложь стала всеобщим порядком — и протест против неё стал безумием.»

— Франц Кафка

«Все сидели по клеткам — у кого решётки из страха, у кого из вины, у кого из подкупа. Ключи, конечно, были у него — у Властелина “МЫ”. А он ласково, добрым голосом, объяснял: это не клетки, это забота. Это не замки, это — безопасность. Это не контроль, это твоя взрослая независимость.»

Властелин “МЫ”

СКАЗКА

В сказочном лесу стоял Камень. Рядом с ним тек Ручей. А неподалеку жили Лисичка-Эмочка и Зайка-Знайка. Каждый был особенным и нес в себе свою суть.

Камень стоял, как олицетворение правды и стойкости. Его нельзя было сдвинуть, сломать или заставить принять иную форму. Он был основой, на которой можно было бы строить жизнь, но именно эта твердость порождала страх у других.

Ручеек тек рядом. Природа Воды — меняться, приспосабливаться, принимать любую форму. Вода умела сливаться с окружающей средой, ища путь, где сопротивление меньше. Она могла быть спокойной, но могла и подчиниться сильному течению, если того требовали обстоятельства.

Неподалеку жила хитрая Лиса-Эмочка, искусная плетельщица интриг, мастер манипуляций и стратегий, которая знала, как направить события в свою пользу. Рядом с ней жил Зайка-Знайка. Зайка был осторожным и скрытным, предпочитал действовать незаметно и избегать открытых конфликтов. Лиса-Эмочка же была его наставницей, всегда направляя его действия, играя на его слабостях.

Зайка, привлеченный гибкостью воды Ручья, всё чаще стал проводить время возле неё. Он познакомился с Камнем, но такой большой и крепкий Камень ему не нравился. Гибкая, текучая Вода привлекала его и он решил повернуть Ру-

чей в нужном ему направлении. Зайка не хотел больше быть рядом с Лисой, а хотел быть с Водой.

Однако Вода скучала по Камню, ведь они провели вместе много времени и у них было много общего. Но Зайка был твёрд в своём решении. Лисичка-Эмочка, чувствуя угрозу, начала плести интригу, чтобы вернуть влияние над Зайкой и укрепить их союз.

Лисичка-Эмочка начинает интригу

Лисичка-Эмочка почувствовала, что Зайка всё чаще проводит время с Водой, что забирало у неё контроль над ним. Она не могла этого допустить.

Сначала она пыталась вернуть Зайку под свою опеку, но, не сумев, изменила тактику. Теперь её цель — укрепить союз Зайки с Водой, подчинив их своей воле. Ведь если нельзя удержать, нужно контролировать.

Камень был врагом для Лисички,препятствием к ее планам Камень — это угроза, которую нужно устранить, оградить союзом Воды и Зайки, выстроив вокруг надежные границы.

Она начала действовать осторожно, плетя тонкие сети подозрений. Лиса шептала Зайке, что Вода слишком переменчива, что она может однажды утечь в другое русло. Она намекала, что Вода близка к Камню, а Камень, как известно, несгибаем и опасен для тех, кто любит гибкость и лёгкость.

Лисичка предложила Зайчишке план: ограничить Воду, поставить вокруг неё преграды, чтобы она текла только в том русле, которое укажет Зайка. А вокруг Камня построить Стену, ведь если Вода свободна, она может сбежать — убеждала Лисичка. Зайчишка задумался.

Зайка-Зазнайка берётся за дело

Зайка был не только Трусишкой, но и Знайкой. Он знал много и считал себя мудрым. Он начал рассказывать Воде длинные лекции о её природе, о том, как она должна течь, чтобы быть «правильной». Вода слушала, но лекции Зайки были такими долгими, что она терялась в словах и начинала сомневаться в себе.

Когда Вода пыталась проявить свободу, Зайка мягко, но настойчиво подталкивал её обратно в нужное русло. Он строил плотины из слов, боясь, что она утечет, как пугливая речка. Он говорил: «Я знаю, как лучше для тебя», и Вода начинала верить, что ее собственное течение — неправильное.

В это время Лисичка-Эмочка наблюдала со стороны и поддерживала Зайку, шепча: «Ты всё правильно делаешь. Главное — не дать Воде сбиться с пути». Она утверждала, что Воде будет спокойнее, если кто-то возьмёт на себя ответственность за её направление.

Камень

Камень стоял на своём месте, твердый и непоколебимый. Он был стар и мудр, знал, что истина — это нечто неподвижное, не зависящее от течений или случайных ветров. Его сила была в его неизменности, в способности оставаться самим собой, несмотря на любые испытания.

Он видел, как Вода менялась, как она приспосабливалась, текла туда, куда ее направляли. Он понимал, что гибкость — ее природа, но также знал, как легко ее можно сбить с пути. Камень всегда старался быть опорой для Воды, поддерживать её, направлять, когда она сомневалась. Он верил, что истина нужна Воде так же, как и путь для ее течения.

Но Зайка и Лисичка начали строить плотины и заграждения, чтобы отвести Воду подальше от Камня. Они говорили Воде, что Камень мешает её течению, что он слишком тверд и потому опасен. Вода, стремясь избежать конфликтов, всё больше удалялась от Камня, подчиняясь новым руслам.

Камень чувствовал, как Вода становится всё холоднее и дальше. Он не мог изменить свою природу, не мог стать мягким, как глина. Но он мог оставаться на месте, быть ориентиром, чтобы Вода, если когда-нибудь захочет, знала, где его найти.

Вибрации Камня

Камень стоял неподвижно, но испускал тихие, глубокие вибрации, которые пронизывали землю и достигали воды. Эти вибрации напоминали Воде о её истоках, о свободе, которой она обладала. Вода чувствовала их, как далёкий зов, и понимала, что истина — это не ограничение, а сила быть собой.

Когда Лиса и Зайка пытались построить ловушки из лжи и манипуляций, Камень чувствовал их усилия. Его вибрации становились сильнее, проникая в каждую щель их вымышленных конструкций. Вода чувствовала это сопротивление и начинала сомневаться в том, что её контролируют.

Освобождение Воды

Вода, как символ гибкости и способности адаптироваться, была всегда готова изменять форму в зависимости от того, где находилась. Но с течением времени, под влиянием Зайки-Зазнайки и Лисички-Эмочки, её течение стало всё более ограниченным и запрещенным. Вода начала принимать чужие формы, как это делают люди, когда они попадают под влияние и начинают действовать в соответствии с чужими ожиданиями, вместо того чтобы быть собой.

Со временем она стала не просто адаптироваться, а повторять чужие указания, делая все что было нужно Зайке. А Лисичка издалека руководила и поддерживала. Это шло вразрез с её природой — гибкой и свободной. Она начала контролировать пространство, как её учил Зайка, и теперь все должно было течь только так, как он говорит. Вода пыталась управлять своим потоком, но вместо того, чтобы быть естественной, стала жестокой и эгоистичной, как ее окружение. Этот контроль был лишь маской, скрывающей её истинное течение, ее способность быть собой.

Она начала замечать, как в её глубине начали звучать тихие голоса, говорящие ей, что она свободна. Эти голоса становились громче, уверенные и настойчивые. Они говорили: «Ты не обязана следовать чужим течениям. Ты — сама себе путь»

Тогда случилось важное осознание: Вода поняла, что она утратила свой настоящий путь, что её течение стало слишком жестким, а её свобода — подавлена. Она больше не могла жить под чужим контролем. Вода вспомнила, как она текла свободно, без барьеров, и как важно быть рядом с кем-то, но не терять себя в этом.

В это время Камень, как символ истины и стойкости, продолжал оставаться неподвижным, не вмешиваясь, но всегда оставаясь там, где Вода могла найти свою основу. Его сила была иной — глубокой, невидимой, но ощутимой для тех, кто искал правду. Камень испускал тихие, глубокие вибрации, которые пронизывали землю и достигали воды. Вода, текучая и податливая, чувствовала эти вибрации, как далёкий зов. Они напоминали ей о её истоках, о свободе, которой она обладала. Вибрации говорили: "Ты — не то, что о тебе говорят. Ты — то, кем ты решишь быть."Вода поняла, что она должна быть свободной. Она должна была научиться течь по своему руслу, не подчиняясь чужой воле.

И вот, как только Вода осознала, что нельзя терять себя, она прорвала все барьеры и построенные плотины. Она освободилась, начав течь по своему пути, находя тех, кто разделяет ее ценности, но не навязывает свои правила. Зайка и Лисичка, плетущие свои манипуляции, больше не могли удержать ее. Вода понимала: истина и свобода не в том, чтобы быть частью чужой воли, а в том, чтобы быть собой, сохраняя свою сущность, несмотря на любые внешние силы.

Однажды я получила короткое послание от своего онлайн приятеля “Где ты ? Как дела?” Было время мы интенсивно переписывались. Я рассказывала ему о своей текущей непростой текущей ситуации и он краткими и меткими репликами комментировал мои е-майлы. Потом как-то переписка сошла на нет. Я переехала . На его вопрос ответила коротко “Все ОК. Книгу пишу” . На что он спросил “Дашь почитать?” “Конечно” ответила я. Стала посылать главы написанного, он комментировал. Сначала коротко, потом сам увлекся,стал писать длинные посты. Иногда даже дискутировали Василь когда-то работал журналистом. Человек бывалый, жизнь повидавший.

Глава 1 ПРЕДВЕСТНИК ВОЙНЫ

В начале семейной жизни Дочери, когда обстоятельства были по-настоящему сложными, Зять- человек, который до брака жил под опекой и надзором матери, решающей жизненные задачи, столкнувшись сам с трудностями, замкнулся,начал винить Дочь и устраивать бойкоты. То ли обижался, то ли так воспитывал жену. Думаю решал проблемы таким образом.

Растерянная и одинокая, Дочь обратилась ко мне. Я пыталась помочь.Просто по-человечески. Американская подруга посоветовала послать ее к Психологу, чтобы самой застраховаться “они помирятся, ты останешься виноватой” Как в воду смотрела. Но русская подруга сказала: “Кто же поможет нашим детям,если не мы” И это мне было ближе.

Возможно, Дочь поделилась Зятем. А может, он сам заметил. Ведь раньше я помогала им обоим — и он охотно принимал эту помощь.

Но теперь наступила новая эра. Вся власть была у него. У него была работа, которая давала им деньги, квартира, в которой они жили, машина, на которой ездили. Он стал хозяином положения. Она зависимой.

И психологическая сепарация была ему в помощь А там любое участие матери, даже простой совет по выбору занавесок, уже трактуется как вмешательство. Потому что важен

тон. Он о многом говорит

И Зять объявил Дочери: “У нас с тобой проблемы, потому что твоя мать вмешивается в нашу жизнь!”

Дочь сказала честно: “ Нет. Я сама просила совета. Мама помогала, как могла. Она ни в чём не виновата.”

Зять ответил: “ Она всё равно виновата. Даже если ты просила — она не должна была помогать. Она должна была сказать: всё будет хорошо, не волнуйся, доверяй мужу. И отойти в сторону.

После этого последовал диагноз и лечение: Ты зависима от матери. А значит — не самостоятельна. Не можешь принимать решения. Чтобы освободиться, ты должна год с ней не общаться. Четыре полных сезона. Только так ты станешь независимым человеком

И всё.

Факт помощи — стал доказательством вины. Любое участие — трактуется как вмешательство в чужую жизнь. А любая защита и благодарность матери — как зависимость дочери.

Это уже не конфликт. Это программа. Программа, в которой вывод всегда один и тот же, какой бы путь ты ни выбрал. Программа, которая замыкается на себе. Программа, в которой обвинение всегда наготове, а вина — встроена по умолчанию. Мать-Зло,ты тоже Зло, но поменьше . А я и не знал…

И в какой-то момент ты понимаешь: в Королевстве Кри-

вых Зеркал главное - не то, что ты на самом деле сделал, а как это будет интерпретировано тем, кто пишет сценарий.

Это я потом узнала от психологов, занимающихся сепарацией взрослых детей от родителей. Там всегда вина и ответственность за все что совершает взрослый ребенок лежит на матери

Злобный Фашист

Когда наши дети уехали в другой штат Эмочка продолжала свою заботу. Звонила по утрам и информировала о погоде на день, напоминая чтобы взяли зонтик или одели шапку. Потом звонила в течении дня. Достала их. И я предложила это уладить,чтобы Дочь стояла в стороне. Напомнила Эмочке,что они взрослые люди,нужно учиться самостоятельности и так далее. И получила от нее реакцию: “Такие матери как вы воспитывают детей-фашистов ! “ Вероятно, я посягнула на самые святые чувства -материнскую заботу. Я вежливо вышла из отношений. Наверное зря. Ведь если бы поборолась с “фашизмом”, то может быть Зло и не появилось бы. А возможно что-то и похуже появилось. Как говориться “Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется”

А дальше случились события, которые я описала выше со “вмешательством” и последствиями в виде Зла. На что было направлено это Зло когда я пыталась поддержать Дочь в сложную минуту? Этот вопрос остался без ответа. Психоло-

ги поддержали Зятя диагностировать меня в “желании контроля”. Это по методичке о Сепарации. Одинокие матери там осуждаются особенно строго

Комментарий Василя:

"Ага. Вот он, момент перехода. Раньше ты была союзником — теперь угрозой режиму. Всё, как в классических переворотах. Смена власти — и прошлые заслуги стираются. Даже то, что ты помогала им обоим, зятем не отрицается — он это перепрошивает: теперь это «вмешательство», а не помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.